

рядка". Но онъ поступилъ нечестно, намѣренно умолчавъ о томъ, какъ правительство справедливо наказало виновниковъ допущенныхъ злоупотреблений. Разсказать объ этомъ Толстому было невыгодно, потому что тогда ему нельзя было бы говорить объ этихъ злоупотребленіяхъ, какъ о дѣйствіяхъ, "безусловно необходимыхъ для поддержанія существующаго порядка". Какъ ни враждебно вообще Толстой относится къ правительству; но во всемъ своемъ сочиненіи, при всемъ своемъ явномъ стараніи, онъ не могъ указать ни одного случая, когда бы правительство, зная о злоупотребленіяхъ, не употребило самыхъ энергичныхъ мѣръ къ ихъ пресѣченію. Напротивъ онъ нерѣдко даже дѣлаетъ правительству упрекъ за то, что оно искореняетъ преступленія и злоупотребленія въ государствѣ. Но если правительство постоянно заботится объ искорененіи всѣхъ замѣченныхъ злоупотреблений и правонарушеній, то это обстоятельство явно свидѣтельствуетъ о томъ, что корень этихъ злоупотреблений нужно искать не въ формѣ государственной жизни, какъ говоритъ Толстой, а въ злой волѣ и испорченности нравственной природы отдельныхъ лицъ. Ясно, чѣмъ разрушать домъ, благоразумнѣе поручить печнику исправить печи, если нѣкоторая изъ нихъ дѣйствительно плохо груютъ... Но дѣло здѣсь даже и не въ печахъ. Безумный Геростратъ сжегъ храмъ Дианы не потому, что этотъ храмъ былъ плохъ и не удовлетворялъ своему значенію, а исключительно только потому, что чрезъ такое уничтоженіе храма самъ Геростратъ хотѣлъ прославить себя, сдѣлать безсмертнымъ свое имя, чрезъ занесеніе его на страницы исторіи. Конечно, Геростратъ не былъ сумасшедшимъ въ собственномъ смыслѣ; но его душевное состояніе не было и нормальнымъ,—иначе онъ не сжегъ бы храма. Безъ сомнѣнія, онъ хорошо понималъ, какое безумное дѣло онъ предпринимаетъ, но онъ рѣшился все таки сдѣлать это зло, потому что тщеславіе, въ формѣ глориманіи (славолюбія), приняло такие размѣры, что сдѣлало иенormalьнымъ все его душевное состояніе, онъ самъ сталъ какъ бы сумасшедшемъ. Въ такомъ состояніи, къ прискорбію, не рѣдко оказываются люди, въ особенности богато одаренные отъ природы—поэты, композиторы, художники, актеры, переживающіе свою славу и къ концу жизни